

Джон Зерзан

**Агрокультура: демонический
двигатель цивилизации**

Оглавление

Агрокультура и символизация	5
Появление религии, узаконивающей культуру	7
Оседлый и рабский образ существования	8
Истоки агрокультуры	10
Люди были долгожителями	13
Механизированная органика	15
Проект покорения природы	18

Человек впервые столкнулся с агрокультурой, когда появились такие понятия, как время, язык, число и искусство. Земледелие — это воплощенное отчуждение, триумф разобщенности и четко выраженного разделения между культурой и природой, а также изоляции людей друг от друга.

Агрокультура — источник производства, как такового; она включает в себя его неотъемлемые черты и способность деформировать жизнь и сознание. Сама земля становится инструментом производства, а виды растений — его объектами. Неважно какие — дикорастущие или одомашненные, кустарники или зерновые — все они говорят об этой двойственности, которая калечит самое естество нашего существования, относительно быстро наполняя его деспотизмом, войной и истощением развитой цивилизации, довлеющими над большей частью бывшего единства с природой. Форсированный марш цивилизации, который Адорно назвал «допущением иррациональной катастрофы в самом начале истории», которую Фрейд считал «чем-то навязанным оппозиционному большинству», в котором Стенли Даймонд обнаружил лишь «призывников, но не добровольцев», был продиктован агрокультурой. Мирча Элиаде совершенно верно писал, что ее появление «вызвало потрясения и духовный распад», значение которых современный человек не в состоянии представить.

«Выровнять, стандартизировать человеческий пейзаж, сгладить неровности и исключить любые неожиданности» — эти слова Э.М.Чиорана превосходно иллюстрируют логику агрокультуры, конца жизни, как чувственной деятельности, воплощения и источника разрозненного существования. С того момента, когда земледелие стало культурой, уровень искусственности стал неуклонно повышаться, а вместе с ним начало увеличиваться количество работы: одомашнивая животных и окультуривая растения, человек неизбежно одомашнивал самого себя.

Историческое время, как и агрокультура, не является чем-то присущим человеческому обществу, но лишь навязанным по отношению к действительности. Временное измерение или история — есть репрессивная функция, в основе которой лежит производство или агрокультура. Жизнь охотника-собирателя была анти-временной в своей одновременной и непринужденной открытости; а жизнь земледельца порождает чувство времени, благодаря последовательности заданий и направленной рутине. Когда разнообразие палеолитической жизни сдало позиции перед буквальной обособленностью агрокультуры, время заявило свое право на власть и получило широкое распространение среди людей, принадлежащих к ограниченному пространству. Оформленные временные ориентиры — церемонии с фиксированными датами, наименование дней и т.д. — являются ключевыми в упорядочении мира производства; точно также график производства, календарь являются неотъемлемой частью цивилизации. И наоборот, не только индустриальное общество было бы невозможно без временных графиков, но и исчезновение агрокультуры (основы

всего производства) стало бы концом исторического времени.

Репрезентация начинается с языка, средства сдерживания желания. При замене самостоятельных образов вербальными символами жизнь редуцируется и подпадает под строгий контроль; весь прямой, непосредственный опыт относится к этой высшей категории символического выражения — языку. Язык расчленяет и организует действительность, как выразился Бенджамин Уорф, и эта сегментация природы — аспект грамматики — устанавливает предпосылки для появления агрокультуры. Джулиан Джейнс в сущности заключил, что лингвистический склад ума привел непосредственно к агрокультуре. Вне сомнений, что кристаллизация языка в письменности, появившейся в большей степени благодаря нужде в ведении записей земельных сделок, является знаком того, что цивилизация началась.

В не-торговой, равноправной традиции охотников-собирателей, основой которой было, как часто отмечается, совместное пользование, в числе не было необходимости. Не существовало основания для того, чтобы стремиться к количеству, не было причин разделять то, что было целым. Это продолжалось ровно до тех пор, пока в полной мере не проявилась культурная концепция одомашнивания животных и окультуривания растений. Два основных покровителя числа явственно свидетельствуют о своем альянсе с отдельностью и правом собственности: Пифагор, ключевая фигура весьма влиятельного религиозного культа числа, и Эвклид, отец математики и науки, чья геометрия изначально служила для измерения пространства из соображений собственности, налогообложения и рабского труда. Одна из ранних форм цивилизации — сообщество, живущее под руководством вождя, — повлекла за собой установление линейной ранговой упорядоченности, где каждому из членов отводилось строгое числовое место. Вскоре после установления протиестественной линейности плуговой культуры появилась бескомпромиссная 90-градусная квартальная планировка ранних городов, чья настойчивая упорядоченность сама по себе являет репрессивную идеологию. Культура, получившая теперь в свое распоряжение число, стала еще более ограниченной и безжизненной.

Искусство также в своем отношении к агрокультуре выделяет оба этих института. Оно появляется в качестве средства интерпретации и подчинения действительности, рационализации природы и подчиняется тем же самым правилам, которые являются характерными для агрокультуры. Например, до-неолитические пещерные рисунки — яркие и смелые — возвышают энергичность животной грации и свободы. Неолитическое же искусство земледельцев и пастухов застывает в художественных формах; Франц Боркенау назвал керамику той эпохи типичным образцом «ограниченной и робкой мешанины материалов и форм». Вместе с агрокультурой искусство также лишилось своего многообразия и было стандартизировано до геометрических чертежей, стремящихся к вырождению в скучные шаблонные образы — идеальное отображение стандартизированной, ограниченной и строго следующей правилам

жизни. В искусстве палеолита отсутствовали изображения людей, убивающих друг друга, в то время как в неолитический период навязчивая идея изображения противоборства между людьми только усиливалась, а сцены сражений стали вполне обычным явлением.

Агрокультура и символизация

Время, язык, число, искусство и все остальные феномены культуры, которые предшествуют и ведут к агрокультуре, основываются на символизации. Так же как независимость предшествует одомашниванию и само-одомашниванию, рациональное и социальное предшествуют символическому.

Производство пищи, как неизменно и с благодарностью признается, «позволило развиваться культурному потенциалу человека, как вида». Но что это за стремление к символическому, к совершенствованию и установлению деспотических форм? Это увеличивающаяся возможность овеществления, посредством которого живое становится материальным, подобным вещи. Символы — это нечто большее, чем фундаментальные единицы культуры; они являются фильтрующими устройствами, которые отделяют нас от нашего опыта. Они классифицируют и упрощают «для того, чтобы покончить с бременем сочетания одного опыта с другим, которое иначе было бы просто невыносимым», как говорится в знаменитой фразе Лики и Льюина.

Таким образом, культура обусловлена императивом реформирования и подчинения природы. Искусственная окружающая среда, которая и является агрокультурой, стала в этой схеме центральным посредником вместе с символизмом объектов, которыми можно манипулировать в построении отношений господства. Поработается не только внешняя среда: до появления земледелия общение происходило «лицом к лицу», что очень серьезно ограничивало возможности господства как такового, в то время как культура расширяла и узаконивала их.

Вполне возможно, что уже в период палеолита объекты и понятия были связаны с определенными формами и названиями, основываясь на методе символизации, но в весьма непостоянном, кратковременном и, вероятно, игровом смысле. Стремление к одинаковости и стабильности, которое можно обнаружить в агрокультуре, означает, что символы стали такими же неподвижными и постоянными, как и земледельческая жизнь. Под знаком разделения труда регуляризация, установка законов и технологическая дифференциация влияют на укрепление и продвижение символизации. Агрокультура завершает переход к символу и вирус отчуждения побеждает по-настоящему свободную жизнь. Это победа культурного контроля; как писал антрополог Маршалл Салинз, «количество работы на душу населения увеличивается вместе с развитием культуры, а количество свободного времени — уменьшается».

Сегодня единственные выжившие сообщества охотников/собирателей населяют наименее «экономически выгодные» регионы планеты, куда не проникла агрокультура: снежные просторы инуитов или же пустыни австралийских аборигенов. При этом отказ от монотонной земледельческой работы даже в неблагоприятных условиях приносит свой результат. Народы хадзапи (Танзания), тасадай (Филиппины), кунг (Ботсвана), сан (пустыня Калахари) являются доказательством выводов Хоула и Флэннери о том, что «ни у кого на Земле нет столько свободного времени, чем у общества охотников и собирателей, которые проводят его в играх, разговорах и отдыхе». По данным Ричарда Ли, племя сан с легкостью перенесло серьезную многолетнюю засуху, в отличие от занимавшихся земледелием соседних племен, которые умирали от голода. Сервис правильно охарактеризовал эти условия как «крайнюю простоту технологии и отсутствие контроля над окружающей средой». Однако незамысловатые палеолитические методики были, в своем роде, «продвинутыми». Основной техникой приготовления пищи была варка на пару при помощи нагревания камней в специально вырытых для этой цели ямах. Этот способ намного древнее, чем любые гончарные изделия, чайники или корзины (на самом деле, этот отказ от сосудов — ориентация на отсутствие излишков и невозможность обмена). Кроме того, это еще и самый правильный, с точки зрения питания, способ приготовления, намного более здоровый, чем, например, варка пищи в воде. Или же возьмите способы изготовления каменных орудий, например, длинных и исключительно острых ножей «лавровый лист», искусно обтесанных, но прочных. Их невозможно воспроизвести при помощи современных производственных технологий.

Образ жизни охотников и собирателей представляет собой самое удачное и долговечное приспособление к условиям жизни, которого достиг человек за всю свою историю. Такие случающиеся время от времени до-агрокультурные явления, как интенсивное собирание пищи или же систематическая охота на животных одного и того же вида, указывают на неминуемый крах системы приятного времяпрепровождения, которая оставалась статичной на протяжении долгого времени только из-за того, что она приносила удовольствие. Агрокультурная «нищета и однообразная работа, длящаяся весь день», по словам Кларка является двигателем культуры, «рациональной» только в своей постоянной неустойчивости и логическом продвижении к еще большему разрушению, как будет показано ниже.

Несмотря на то, что в термине «охотник-собиратель» следует поменять местами слова (как уже и сделало немало современных антропологов), так как было признано, что собирательство дает намного больше шансов на выживание, чем охота, сущность последней резко контрастирует с одомашниванием животных. Отношения между охотником и диким зверем — независимым, свободным и даже равным — качественно отличаются от отношений земледельца или пастуха к своему покоренному имуществу, над

которым он безраздельно властвует.

Появление религии, узаконивающей культуру

Доказательства стремления к навязыванию порядка и порабощению можно обнаружить в принудительных обрядах и табуировании не-чистого в зарождающейся религии. В структуре окончательного покорения мира, одной из основ которого является агрокультура, исключена любая двусмысленность, а таким понятиям, как «чистое» и «не-чистое» даны строгие, обязывающие определения.

Леви-Стросс определил религию, как антропоморфизм природы; первичная одухотворенность была связана с природой, без наложения на нее каких-либо оценок или же характерных черт культуры. Священное обозначает отчужденное, а ритуал и формализация, которые еще в большей степени отдалены от ежедневной деятельности и находятся под контролем шаманов и жрецов, тесно связаны с иерархией и институтом власти. Религия появилась для того, чтобы обосновать и узаконить культуру с помощью «высшей» системы реальности. Еще больше она, обладая функцией сплочения общества, востребована агрокультурой для удовлетворения своих неестественных потребностей.

В неолитическом поселении Чатал-Гююк в Анатолии (Турция) одна из трех комнат была предназначена для отправления ритуалов. Пахота и посев, согласно Буркерту, рассматривались как ритуальное самоотречение, форма систематического подавления, сопровождаемая жертвоприношением. Что же касается жертвоприношения, которое есть не что иное, как убийство одомашненных животных (или даже людей) в ритуальных целях, то оно весьма распространено в агрокультурном обществе и встречается только в нем.

Некоторые крупнейшие неолитические религии часто пытались символически восстановить нарушенное агрокультурой единение с природой посредством мифологии матери-земли, однако, стоит ли говорить о том, что для воссоздания прежнего единства не было сделано ничего. Центральными мифами также являются мифы о плодородии: египетский Осирис, греческая Персефона, ханаанский Ваал, новозаветный Иисус — смерть и воскрешение этих богов свидетельствуют о выносливости почвы, не говоря уже о человеческой душе. Первые храмы обозначили появление космологических систем, основанных на модели Вселенной как арены одомашнивания животных или же скотного двора, что, в свою очередь, послужило оправданием подавления человеческой независимости. В то время как пред-цивилизированное общество, по словам Редфилда, «было объединено по большей части не провозглашаемой, но непрерывно реализуемой этической концепцией», религия, поместив моральный кодекс под контроль общественного управления, стала инструментом создания граждан.

Одомашнивание положило начало производству, еще больше углубило разделение труда и заложило основу расслоения общества. Результатом всего этого стало значительное изменение, как характера существования человека, так и его развития, омрачившееся еще большим количеством работы и насилия. Недавние исследования Тернбулла, который изучал племя мбути (пигмеев), не занимающихся сельским хозяйством, полностью опровергают миф о том, что охотники-собиратели жестоки и агрессивны: если пигмеи кого-либо убивают, они делают это без всякой враждебности, но даже с некоторой долей сожаления. Война неразрывно связана с формированием цивилизации или же созданием государства.

Древние народы не воевали за территории, где несколько отдельных групп могли сосуществовать, занимаясь собирательством и охотой. По крайней мере, борьба «за территории» не упоминается в этнографической литературе и вряд ли происходила в доисторическое время, учитывая то, что ресурсов было гораздо больше, чем сейчас, а контакт с цивилизацией отсутствовал.

В самом деле, у этих народов не было понятия о частной собственности, а метафорическое высказывание Руссо о том, что расслоение общества началось тогда, когда человек, вспахав поле, сказал «Эта земля моя» и нашел людей, поверивших ему, по существу верно. «Понятий моего и твоего, которые есть корни всех бед, у них нет», говорится в докладе Пьетро 1511 года, повествующем о встрече с аборигенами во время второго путешествия Колумба. Сотни лет спустя оставшиеся в живых коренные жители Америки спрашивают: «Продать Землю? Почему бы тогда не продать воздух, облака, океан?» Агрокультура создает и поддерживает идею собственности; подумайте над корнем «longing» (англ. «сильное желание чего-либо») в слове «belongings» (англ. «собственность») — складывается впечатление, что оно составлено, чтобы выразить чувство утраты.

Оседлый и рабский образ существования

До появления агрокультуры работы, как отдельной категории жизни, не существовало. Человек довольно быстро смог приковать себя кандалами к посевам и стаду. Производство пищи одержало победу над полным или же частичным отсутствием ритуала и общественной иерархии и внедрило такие цивилизованные занятия, как вынужденная работа или постройка храмов. Здесь мы видим настоящий «картезианский раскол» между внутренней и внешней действительностью, разделение, в соответствии с которым природа становится всего лишь объектом, который должен быть «обработан». На этой способности к оседлому и рабскому образу существования основывается вся сверхструктура цивилизации вместе с ее нарастающей репрессивной функцией.

Насилие мужчин над женщинами также возникло с появлением агрокультуры, которая свела роль женщины к деторождению и функции вьючного животного. В до-земледельческую эпоху равноправие касательно добывания пищи, по словам Элеанор Ликок, «всецело относилось как к женщинам, так и к мужчинам», благодаря независимости заданий и тому факту, что решения принимались теми, кто эти задания выполнял. В отсутствие производства и монотонной работы, которая бы подходила для детей, как, например, прополка сорняков, женщине не вменялось в обязанность обременительная рутина по непрерывному снабжению общества детьми.

Когда Бог изгнал людей из Эдемского сада, обрекая их на вечное возделывание земли (Быт. 3, 23), Он сказал женщине: «Умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою» (Быт. 3, 16). Точно также в первом из известных нам записанном кодексе законов Шумерского царя Ур-Намму говорится, что всякой женщине, удовлетворившей свои желания вне брака, полагается смертная казнь. Поэтому Уайт совершенно обоснованно сказал, что женщины, «когда люди оставили простую жизнь охотников и собирателей, потеряли родственные связи с мужчинами», а Симона де Бовуар видела в культурной идентичности плуга и фаллоса подходящий символ угнетения женщин.

Когда животные превратились в неповоротливые машины по производству мяса, идея становления «одомашненным» распространилась и на людей, выдернув с корнем понятие свободы из человеческого естества во имя работы по окультуриванию и эксплуатации. Как обнаружила Райс, в Шумере — первой цивилизации — в самых ранних городах были хозяйства с характерной для них развитой организацией, а также разделением труда. С этого момента цивилизация начала настоятельно требовать человеческого труда и массового производства пищи, зданий, войны и власти.

Для греков работа была ничем иным, как проклятием. Слово, обозначающее работу, — «ponos» имеет один корень с латинским словом «роена» (скорбь). Известное ветхозаветное проклятие, обрекающее людей на возделывание земли и изгнание из Эдемского сада (Быт. 3, 17-18) напоминает нам о происхождении работы. Как сказал Мамфорд, «Подчинение, повторяемость, упорность были ключами к этой [неолитической — прим. Д.Зерзана] культуре . . . неутомимая способность к труду». Согласно Полу Шепарду, в этом однообразии и пассивном послушании и ожидании в крестьянине рождается «глубоко скрытое возмущение, грубая смесь правильности и серьезности, а также отсутствие юмора». К характерным чертам, широко распространенным среди одомашненных земледельцев, можно также добавить стоическую нечувствительность и неотделимое от религиозной веры отсутствие воображения, угрюмость и настороженность.

Несмотря на то, что по своей природе производство пищи включает в себя

скрытую готовность к политическому доминированию, а цивилизованная культура с самого начала была собственным механизмом пропаганды, это изменение сопровождалось монументальной борьбой. Книга Фреда Перлмана «Против ЕГО-истории, против Левиафана!» не имеет равных в этом вопросе; в ней получают широкое развитие наблюдения Тойнби о «внутреннем» и «внешнем пролетариате», неудовлетворенности внутри и вне цивилизации. Однако, не смотря ни на что, на пути развития земледелия от палки для копания до плуговой агрокультуры и полностью дифференцированных ирригационных систем, произошел неизбежный и едва ли не тотальный геноцид охотников и собирателей.

Появление хранилищ и излишков производства — часть одомашненного стремления к контролю и неподвижности, один из аспектов склонности к символизации. Избыток — это бастион на пути природы, принимающий форму стадных животных и амбаров. Хранящееся на складе зерно было самым первым эквивалентом, самой ранней формой капитала. Только с возникновением состояния в виде непортящегося зерна, появляется иерархия труда и социальные классы. Несмотря на то, что дикорастущие злаки были и раньше (кстати, в дикорастущей пшенице содержится 24% протеина, а в окультуренной — только 12%), культурная тенденция была совершенно иной. Краеугольным камнем цивилизации и ее городов является как зернохранилище, так и символизация.

Истоки агрокультуры

Тайна возникновения агрокультуры кажется еще менее постижимой в свете недавнего отказа от существовавшего долгие годы представления о том, что в прежнюю эпоху царили враждебность по отношению к природе и отсутствие свободного времени. Орм писал: «Теперь уже никто не мог предположить, что древний человек занимался окультуриванием растений и одомашниванием животных для того, чтобы избежать тяжелой работы и голода. Наоборот, истинным оказалось совсем противоположное, а появление сельского хозяйства стало концом невинности». Долгое время вопрос стоял таким образом: «Почему агрокультура не появилась в человеческой эволюции раньше?» Совсем недавно мы узнали, что агрокультура, по словам Коэна, «не проще охоты и собирательства, а та пищевая база, которую она предоставляет, не отличается ни более высоким качеством, ни более приятным вкусом, а, кроме того, не является в большей степени гарантированной». Таким образом, единогласно ставится другой вопрос: «Почему вообще появилось сельское хозяйство?»

Выдвигалось множество теорий, однако, ни одна из них не является убедительной. Чайлд и некоторые другие утверждают, что увеличение народонаселения заставило человека вступить в более тесный контакт с другими видами, что привело к одомашниванию животных и необходимости производства для того, чтобы прокормить дополнительное количество людей. Однако ранее

было совершенно ясно показано, что увеличение народонаселения не предшествует сельскому хозяйству, но является результатом его появления. По заключению Флэннери, «нет никаких доказательств того, что ответственность за возникновение агрокультуры лежит на перенаселении». Согласно другой теории, в конце плейстоцена (около 11 тысяч лет назад) произошло глобальное изменение климата, что стало крахом мира охотников и собирателей и привело к разведению отдельных уцелевших видов животных и растений. Недавно открытые методы датировки помогают опровергнуть этот довод: такого изменения климата, вследствие которого мог возникнуть новый способ существования, не было. Более того, существует множество примеров, которые показывают, как агрокультура принималась или отвергалась в различных климатических поясах. По еще одной крупной гипотезе сельское хозяйство возникло, когда человек случайно обнаружил или открыл, — как будто ранее этого не случалось, — что пища вырастает из проросших семян. Эта теория особенно слаба с той точки зрения, что, по-видимому, человек палеолита обладал поистине неисчерпаемыми знаниями о флоре и фауне за десятки тысяч лет до появления агрокультуры.

Вывод Карла Сауэра о том, что «сельское хозяйство возникло не из-за увеличения или же хронической нехватки пищи» кажется вполне обоснованным и фактически опровергает все предыдущие теории. Остается только версия, которую высказали Хан, Исаак и другие, которая заключается в том, что производство пищи началось на базе религиозной деятельности. Эта гипотеза является наиболее правдоподобной.

Известно, что овцы и козы, первые одомашненные животные, широко использовались в религиозных церемониях и содержались на огороженных полях в качестве объекта жертвоприношений. Кроме того, у овец, до момента их одомашнивания, не было шерсти, подходящей для ткачества. В юго-восточной Азии и на восточном Средиземноморье — первых очагах цивилизации — куры, согласно Дарби, «использовались скорее в ритуалах и жертвоприношениях, чем в качестве пищи». Сауэр добавляет, что «кладка яиц и поставка мяса» прирученных птиц «это довольно поздние результаты их одомашнивания». Дикий рогатый скот был агрессивным и опасным; нельзя было предвидеть ни покорности быков, ни их видоизменения в результате кастрации. Коров начали доить столетия спустя после их поимки, а изображения рогатого скота говорят нам о том, что первоначально их использовали во время религиозных процессий, впрягая в телеги.

Окультуривание растений, произошедшее впоследствии, имеет, насколько известно, похожую историю. Взять, например, Новый Свет, где кабачки и тыквы использовались в качестве церемониальных трещоток. Йоханнессен обсуждал религиозные и мистические мотивы, связанные с возделыванием кукурузы, главной зерновой культуры Мексики и центрального символа ее местной неолитической религии. Андерсон также исследовал селекцию и раз-

вите особых типов окультуренных растений, имеющих магическое значение. К вышесказанному мне хотелось бы добавить, не вдаваясь в детали, что шаманы имели достаточно власти для того, чтобы ввести земледелие посредством культивации и посадки растений, используемых в религиозных и ритуальных целях.

Несмотря на то, что теория о религиозном объяснении возникновения агрокультуры полностью не доказана, она подводит нас, на мой взгляд, ближе к истинным причинам зарождения производства — этой нерациональной, культурной силы отчуждения, распространившейся в виде категорий времени, языка, числа и искусства, и, в конце концов, заключившей в тиски земледелия физическую и внутреннюю жизнь человека. «Религия» является слишком узким концептуальным представлением об этой инфекции и ее развитии, а доминирование — слишком громоздким и всеобъемлющим, чтобы быть единственным следствием патологии, которой является религия.

Однако, культурные ценности контроля и единообразия, являющиеся частью религии, с самого начала являлись, вне всяких сомнений, и частью агрокультуры. Зная, что разновидности кукурузы очень легко переопыляются, Андерсон изучал весьма примитивных земледельцев Ассам из племени нага, а также кукурузу, которую они выращивали. Оказалось, что их растения не отличались друг от друга. Тем самым нага, верные чистоте культуры, доказывают ее совершенство с момента возникновения производства. Им удалось сохранить кукурузы непереопыленной, «исключительно благодаря фанатичной приверженности идеалу». Данный пример иллюстрирует тесное сближение культуры и производства в феномене одомашнивания, а также его результаты: подавление и работу.

Скрупулезный контроль над чистотой вида растений находит свои параллели и в одомашнивании животных, которое также противостоит естественному отбору и воссоздает управляемый органический мир на качественно более низком, искусственном уровне. Как и растения, животные — это всего лишь вещи, которыми можно манипулировать; корова, например, представляется чем-то вроде машины по переработке травы в молоко. В процессе преобразования животные были лишены свободы и превратились в беспомощных паразитов, чье существование стало полностью зависеть от человека. Как правило, у одомашненных животных размер головного мозга имеет тенденцию к уменьшению, так как их разводят с той целью, чтобы они тратили всю свою энергию на рост, а не на активность. Они стали мирными и инфантилизованными. Возможно, их стандартизировали по образцу овец, самых одомашненных из всех стадных животных; выдающаяся сообразительность диких овец полностью отсутствует у их прирученных сородичей. Социальные отношения между одомашненными животными сведены до грубых жизненно необходимых основ. Нерепродуктивная часть их жизненного цикла доведена до минимума, процесс ухаживания сокращен, а способность животного узнавать представителей собственного

вида чрезвычайно ослаблена.

Земледелие также создало потенциал для быстрого уничтожения окружающей среды, и новая власть, господствующая над природой, очень скоро начала превращать зеленую мантию, в которую были облачены места зарождения цивилизации, в бесплодные мертвые зоны. Как полагает Зойнер, «С начала неолита огромные пространства земли меняли свой облик, неизменно становясь все более засушливыми». Сейчас пустыни занимают большую часть территорий, где когда-то процветали очаги высокой цивилизации, и существует множество исторических свидетельств, что эти ранние образования неизбежно уничтожали окружающую среду.

По всему средиземноморскому бассейну и в граничащих с ним Ближнем Востоке и Азии агрокультура превратила гостеприимные, покрытые буйной растительностью земли в истощенные, сухие и скалистые районы. Платон в «Критиасе», говоря об обезлесении Греции и вспоминая прежнее изобилие, описывал Аттику, как «скелет истощенного недугом тела». Выпас коз и овец, первых одомашненных жвачных животных, явился основным фактором опустынивания Римской и Месопотамской Империй, а также причиной того, что Греция, Ливан и Северная Африка практически лишились травяного покрова.

Люди были долгожителями

В последнее время появляется все больше и больше информации о еще одном непосредственном аспекте агрокультуры, касающемся физического здоровья ее субъектов. Исследования Ли и Девора показали, что «пища и общее состояние здоровья у собирателей были гораздо лучше, чем у земледельцев, а голод и хронические заболевания случались гораздо реже». Со своей стороны Фарб пришел к выводу, что «производство обеспечивает человека питанием более низкого качества, так как в его основе лежит ограниченное количество видов пищи. Кроме того, оно является менее надежным из-за болезней растений и превратностей погоды, а также более затратным с точки зрения человеческого труда».

В новой сфере палеопатологии пришли к еще более впечатляющим заключениям; например, Эйнджел подчеркивает, что «резкое ухудшение питания и развития было вызвано тем, что человек перестал заниматься собирательством, но стал производить пищу». Кроме того, был также пересмотрен срок человеческой жизни человека. Несмотря на то, что испанские очевидцы еще в XVI веке сообщали об индейских мужчинах, проживавших на территории современной Флориды, которые видели свое пятое поколение, долгое время считалось, что древние люди умирали в 30-40 лет. Робсон, Бойден и другие прояснили ситуацию касательно средней продолжительности жизни, обнаружив, что существующие сейчас охотники и собиратели, страдающие от ран и серьезных инфекций, часто переживают своих цивилизованных современ-

ников. Срок жизни человека увеличился совсем недавно, в индустриальную эпоху, и сейчас многие признают тот факт, что во времена палеолита, когда миновали определенные угрозы, люди были долгожителями. ДеВри совершенно правильно пришел к выводу, что кривая продолжительности человеческой жизни резко упала, когда человек столкнулся с цивилизацией.

«Туберкулезу и диарее пришлось ждать, когда появится земледелие; кори и бубонной чуме — когда появятся большие города», — писал Джаред Даймонд. Малярия — возможно, единственная болезнь, убивавшая людей в огромнейших масштабах, — и практически все остальные инфекционные заболевания — наследники агрокультуры. Алиментарные болезни и болезни, связанные с вырождением, появились, по большому счету, когда вступили во власть одомашнивание и культура. Рак, тромбоз венечных сосудов, малокровие, зубной кариес и умственные помешательства — одни из немногих признаков агрокультуры; раньше женщины рожали намного проще и с меньшей болью либо вообще безболезненно.

Все органы чувств работали гораздо лучше. Аборигены из племени кунг сан, по свидетельству Г.Р. Поста могли услышать одномоторный самолет за 79 миль, и многие из них видели невооруженным глазом четыре луны Юпитера. Харрис и Росс пришли к заключению, что «по сравнению с охотником-собирателем, общее снижение качества и, возможно, уменьшение срока жизни человека, занимающегося земледелием» не изучено до конца.

Одной из самых устойчивых и глобальных идей является идея Золотого Века невинности, который был до того, как началась история. Например, Гесиод упоминал о «почве, которая поддерживала жизнь человека, давая ему богатый урожай и не требуя тяжелого труда». Совершенно очевидно, что Эдем был родиной охотников и собирателей, а исторические изображения рая, должно быть, были вызваны развенчанием иллюзий землепашцев об утерянном веке свободы и относительной беззаботности.

История цивилизации показывает нарастающее исключение природы из человеческого опыта, которое отчасти характеризуется сужением выбора пищи. Согласно Руни, до-исторические народы питались более чем 1500 видами диких растений, в то время как, по словам Венке, «вся цивилизация была основана на выращивании одного (или более) вида из всего лишь шести разновидностей растений: пшеница, ячмень, просо, рис, кукуруза и картофель».

Поразительно, но факт, что на протяжении столетий «количество съедобных растений, — как показывает Пайк, — в действительности потребляемых в пищу, неуклонно сокращалось». Существование людей, населяющих планету, сейчас зависит от всего лишь двадцати сортов растений, причем их природные виды заменяются искусственными гибридами, а генетический фонд этих растений становится все менее и менее разнообразным.

Многообразие пищи имеет тенденцию к нивелированию или же полному исчезновению, в то время как процент производимой пищи увеличивается. В

настоящее время совершенно одинаковые продукты питания распространяются по всему миру: похоже, что очень скоро инуиты-эскимосы и африканские аборигены будут потреблять в пищу порошковое молоко, сделанное в Висконсине или же замороженные рыбные палочки, произведенные на одном и том же шведском заводе. Несколько крупнейших мультинациональных компаний, таких как «Юнилевер», крупнейший в мире пищевой концерн, руководят всеобъемлющей системой услуг, целью которой является не обеспечение едой и даже не поддержание жизни, а принуждение всего мира к все увеличивающемуся потреблению вымышленных, преобразованных видов продукции.

Когда Декарт провозгласил моральный принцип, заключающийся в том, что всесторонняя эксплуатация материи с ЛЮБОЙ целью является обязательством человека, наше отделение от природы фактически завершилось, и была создана база для начала Индустриальной революции. 350 лет спустя этот же дух вселился в Жана Ворста, куратора французского Музея естественной истории, который заявил, что наш вид, «благодаря интеллекту», больше не может вернуться в отправную точку цивилизации и снова стать частью естественной среды. Затем он добавляет: «Так как земля в своем первобытном состоянии не приспособлена для нашей экспансии, человек обязан заковать ее в кандалы, чтобы выполнить предназначение своей судьбы», блестяще выразив тем самым первичную настойчивую идею агрокультурного империализма.

Первые фабрики буквально скопировали агрокультурную модель, еще раз доказав, что в основе массового производства лежит земледелие. Мир природы необходимо разрушить и принудить к работе. Можно представить себе среднеамериканские прерии, где поселенцам приходилось в первый раз впрягать по шесть быков, чтобы плуг смог прорезать почву. Или же вспомнить сцену из фильма «Осьминог» Фрэнка Норриса, вышедшего на экраны в 1870 году, где по долине Сан-Хоакина тащат многокорпусный плуг, похожий на «колонну действующей артиллерии», который делает сразу 175 борозд.

Механизированная органика

Сейчас вся органика, вернее то, что от нее осталось, полностью механизирована под управлением нескольких нефтехимических корпораций. Их искусственные удобрения, пестициды, гербициды и практически исключительная монополия на мировой семенной фонд задают тон всей сфере деятельности, которая объединяет производство пищи — от выращивания до потребления. Несмотря на то, что Леви-Стросс был прав, когда говорил, что «цивилизация производит монокультуру, как сахарную свеклу», со времен Второй мировой войны стал доминировать курс на полностью синтетические продукты.

Агрокультура берет из земли гораздо больше органических веществ, чем возвращает, и эрозия почвы является основной характеристикой монокультуры однолетних растений, стимуляция роста которых сопровождается раз-

рушительными последствиями для земли. Хлопок, соя, а также кукуруза, чье нынешнее окультуренное существование зависит исключительно от агрокультуры, наносят особенный ущерб. Дж. Рассел Смит назвал кукурузу «убийцей континентов...» и одним из самых злостных врагов будущего человека». Один бушель кукурузы из Айовы стоит эрозии двух бушелей почвенных слоев, что совершенно четко выявляет широкомасштабное промышленное уничтожение сельскохозяйственных районов. Длительное использование почвы под выращивание одного вида растений, сопровождающееся массированным применением химикатов и отказом от применения компоста или же перегноя совершенно очевидно еще больше повысило степень износа почвы и ухудшения ее качества.

Господствующая методика земледелия заключается в том, что земля нуждается в массированном внедрении химикатов под наблюдением специалистов, чья цель максимизировать производство. С этой точки зрения искусственные удобрения и другие средства исключают необходимость комплексного жизненного цикла почвы и на самом деле превращают ее в чистый инструмент производства. Перспектива технологии — это тотальный контроль, целиком и полностью изобретенная окружающая среда, попросту подменяющая естественный баланс биосферы.

Тем не менее, на закупку гигантского количества монокультурной продукции, начинающей ухудшаться, тратится все больше и больше энергии, не говоря уже о токсическом загрязнении почвы, подземных вод и пищи. Департамент агрокультуры США сообщает, что ежегодно в стране подвергается эрозии два миллиона тонн пахотной земли. По оценкам Государственной Академии наук более одной трети пахотной земли потеряно навсегда. Следствием экологического дисбаланса, вызванного выращиванием одного и того же вида растений и применением синтетических удобрений, стало огромное увеличение вредителей и заболеваний растений; со времен Второй Мировой войны потеря урожая из-за насекомых увеличилась в два раза. Технология отвечает, конечно же, еще большим количеством синтетических удобрений, а также уничтожителями сорняков и вредителей, тем самым еще больше отягощая преступление против природы.

Еще одним послевоенным феноменом стала Зеленая Революция, заявленная в качестве спасения доведенных до нищеты стран «третьего мира» с помощью американского капитала и технологий. Но вместо того, чтобы накормить голодающих, Зеленая Революция выгнала миллионы жертв программы, поддерживающей крупные корпоративные фермы, с пахотных земель Азии, Латинской Америки и Африки. Результатом стала чудовищная технологическая колонизация, поставившая мир в зависимость от капиталоемкого сельскохозяйственного бизнеса и уничтожившая прежние земледельческие общины. Появилась нужда в обширных затратах ископаемого топлива и, в конце концов, эта колонизация обернулась беспрецедентным насилием над природой.

Опустынивание, или потеря почвы вследствие агрокультуры, неуклонно увеличивается в масштабах. Каждый год по всему миру территория, равная двум Бельгиям, становится пустыней. Одним из факторов, усиливающих осушение земли, является гибель тропических лесов; за последние тридцать лет половина из них была стерта с лица Земли. В Ботсване последний участок дикой местности во всей Африке исчез точно так же, как амазонские джунгли и половина центрально-американских тропических лесов, высвободив место преимущественно для разведения крупного рогатого скота, идущего на американские и европейские рынки гамбургеров. Осталось несколько регионов, которых не коснулась вырубка лесов; это те места, куда сельское хозяйство не хочет идти. В США продолжается уничтожение земли на территории гораздо большей, чем та, которую занимали тринадцать первых колоний, однако соразмерной по площади тем областям в Африке, где в середине 80-х случился сильнейший голод и точно так же один за другим исчезали виды животных и растений.

Возвращаясь к животным, вспоминаются строки из Бытия, где Бог сказал Ною: «Да страшатся и да трепещут вас все звери земные, и все птицы небесные, все, что движется на земле, и все рыбы морские; в ваши руки отданы они» (Быт. 9, 2). Как описывается в широком ряде литературных работ, когда на недавно открытые территории впервые прибывает производственный авангард, дикие млекопитающие и птицы не испытывают какого-либо страха перед исследователями. Однако, сознание человека, подвергшееся воздействию агрокультуры, о чем так точно было предсказано в отрывке из Библии, проецирует преувеличенное убеждение в свирепости диких животных, которое из постепенного отчуждения и потери контакта с животным миром перерастает в необходимость доминирования над ним.

Судьба домашних животных predetermined в соответствии с тем фактом, что технологи агрокультуры, желая усовершенствовать свои системы производства, всегда стремятся к модели фабрики. Природное исключено из подобной системы, так как все чаще и чаще домашних животных держат практически в неподвижном состоянии на протяжении всей их изуродованной жизни, в тесной, целиком искусственной среде. Например, миллиарды кур, свиней и телят уже даже не видят дневного света, не говоря уже о выгуле на полях — полях, ставших еще более бесшумными, так как все большее и большее количество пастбищ распахивается с целью выращивания пищи для этих ужасающе ограниченных существ.

Высокотехнологические куры, клювы которых обрезают ради снижения смертности во время вызванных стрессами боев, часто содержатся в клетках 13 на 18 дюймов и периодически лишаются пищи и воды на срок до десяти дней с целью регуляции циклов кладки яиц. По причине физических условий и стресса гниение лап, укусы хвостов и каннибализм носят эпидемический характер. Свиноматки вскармливают поросят через металлическую сетку, что

препятствует естественному контакту между матерью и ее отпрысками. Телят часто растят в полной темноте; их приковывают к стойлам, настолько узким, что развернуться или принять другое естественное положение не представляется возможным. Как правило, в режим существования этих животных входит постоянное лечение, так как они испытывают мучения и чрезвычайно подвержены различным заболеваниям: автоматизированное производство мяса основано на гормонах и антибиотиках. Подобная систематическая жестокость, не говоря уже о той пище, которая получается в результате всего этого, напоминает нам, что агрокультура является предтечей и моделью всех форм порабощения и пленения как такового.

Проект покорения природы

Еда всегда была одной из наиболее непосредственных нитей, связывающих нас с природной средой, но мы становимся все более и более зависимыми от системы технологического производства, из которой, в конечном счете, вытесняются даже наши чувства. Человек больше не ощущает вкуса пищи, который когда-то был жизненно необходим для определения ее качества или же безопасности: теперь он скорее гарантируется этикеткой. В целом, можно сказать, что польза для здоровья от тех продуктов, которые мы потребляем, снижается, а земля, которую раньше использовали для выращивания пищи, теперь производит кофе, табак, злаки для изготовления алкоголя, марихуану и другие наркотики, тем самым, создавая предпосылки к угрозе голода. Даже такая не-преобразованная пища, как фрукты и овощи, становится безвкусной и унифицированной, так как производители руководствуются в большей степени не питательностью или же получением удовольствия от еды, а соображениями по уходу, транспортировке и хранению продукции.

Тотальная война заимствовала из агрокультуры методы по уничтожению растительности на миллионах акрах Юго-Восточной Азии во время Вьетнамской войны, однако, опустошение биосферы в повседневной, глобальной форме носит еще более смертельный характер. Совершенно очевидно, что назначение производства — обеспечение пищей — также потерпело страшную неудачу: всем известно, что половина планеты страдает от недоедания, а в некоторых регионах и от голода.

Тем временем, «болезни цивилизации», которые обсуждали Итон и Коннер на страницах «Медицинского журнала Новой Англии» (номер от 31 января 1985 года), сопоставляя их со здоровой до-агрокультурной пищей, рисуют картину безрадостного болезненного мира хронической неприспособленности, в котором мы играем роль жертв промышленников и медицины, косметики и искусственной пищи. Одомашнивание достигло новых высот патологии в генной пищевой инженерии: в будущем появятся новые типы животных, а также изобретенные микроорганизмы и растения. Рассуждая логически, можно сде-

лать вывод, что человечество в этой системе также станет одомашненным, так как мир производства преобразует нас в той же степени, в какой он разрушает и уродует любую другую природную систему.

Проект подчинения природы, который был начат и завершен агрокультурой принял гигантские размеры. «Успех» прогресса цивилизации, успех, который был не нужен древнему человечеству, по вкусу все больше и больше напоминает пепел. Джеймс Серпелл подвел итог: «Вкратце можно сказать, что, похоже, мы достигли конца пути. Наше дальнейшее развитие невозможно; мы неспособны интенсифицировать производство, не вызвав при этом дальнейшего разрушения, а планета уже совсем скоро превратится в пустошь». Ли и Девор отмечали, насколько быстро это произойдет и предположили, как будет выглядеть для межпланетных археологов «вероятная гибель цивилизации: . . . на смену весьма продолжительного и стабильного периода ограниченной охоты и собирательства пришел, по-видимому, мгновенный расцвет технологии, . . . довольно быстро приведший к вымиранию. 'Стратиграфически' возникновение агрокультуры и термоядерного оружия произошло практически одновременно».

Физиолог Джаред Даймонд назвал возникновение агрокультуры «катастрофой, от которой мы так и не смогли оправиться». Сельское хозяйство было и остается «катастрофой» на всех уровнях, катастрофой, которая является фундаментом всей материальной и духовной культуры, разрушающей нас в настоящий момент. Освобождение невозможно без ликвидации агрокультуры.

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 января 2014

Джон Зерзан

Агрокультура: демонический двигатель цивилизации

Перевод с английского: Антон Шеховцов

Сохранено 12 мая 2012 года из primitiv.anho.org